

ГОРЬКОЕ ИСПЫТАНИЕ НА ПРОЧНОСТЬ

Статья основана на архивных материалах органов безопасности Сибирского региона. На примере жизненного пути китайского студента Чжана Ючжана рассматривается тема влияния политических репрессий в Советской России на судьбы коммунистов Китая. Увлечшись идеями Маркса, Ленина и лидера китайской революции Мао Цзедуну, молодой коммунист Чжан Ючжан в 1928 г. приехал на учебу в Россию. Не особенно разбираясь в основах марксистско-ленинской теории, уже в 1930 г. Чжан Ючжан был причислен к подпольной «троцкистской» организации и осужден. Последующие несколько десятков лет ему пришлось провести в России под фамилией Сойкин, пережив аресты, суды, исправительно-трудовые лагеря.

Ключевые слова: спецслужбы; политические репрессии; реабилитация; враги народа; исправительно-трудовые лагеря.

Российские события Февральской и последовавшей за ней Октябрьской революции 1917 г. дали жизненный импульс к раскрепощению идей национально-го и социального освобождения в Китае, где миллионные массы крестьян жили в ужасающей бедности под гнетом полуфеодальной эксплуатации. В стачках, аграрных восстаниях и военных походах 1925–1927-х гг. рождался новый Китай.

Действуя в условиях множества политических противоречий и постоянного компромисса, в обстановке сурового гоминьдановского террора и тотального полицейского контроля, образованная в 1921 г. Коммунистическая партия Китая не имела своей истории и традиций, не располагала достаточным опытом классовой борьбы. Поэтому не случайно она видела себя в роли последователя идей Коммунистического Интернационала и политики РКП(б). Этот путь проб и ошибок оказался весьма непросто, в ряде случаев он тормозил укрепление авторитета и позиций партии, а нередко угрожал и ее дальнейшей жизнеспособности. Но китайские коммунисты настойчиво овладевали марксистской теорией, с увлеченностью познавали труды Ленина и Троцкого, которые в мировой революции видели главную цель и готовили кадры для грядущей китайской социалистической революции. Китайский язык стал пополняться новыми, ранее неизвестными социальными терминами и понятиями, взятыми из работ Маркса и Энгельса.

Вместе с тем в годы правления Сталина политика в отношении Китая претерпела кардинальные изменения. В стране Советов она ориентировалась на сохранение и закрепление достигнутого «социализма», а в Китае – на создание мелкобуржуазного противовеса давлению империализма на Советскую Россию. Поддержка советским руководством Чан Кайши, предательство последнего привели к тому, что в Китае только с апреля 1927 г. по июнь 1928 г. гоминьдановцами было казнено 320 тысяч рабочих, крестьян и левых интеллигентов [1. С. 17].

В этот же период молодым комсомольцам и активистам китайской компартии, обучение которых в СССР проводилось в специализированных учебных заведениях, время готовило другую трагедию, круто изменившую судьбу многих и также унесшую немало жизней. В 1927–1928 гг., когда в СССР работа по теоретической подготовке революционеров Китая и их идейно-политическому воспитанию была развернута достаточно обстоятельно, внутри учебных заведений образовалась большая группа китайских студентов, не разделяющих политики Сталина и поддерживающих взгляды Троцкого. В борьбе с оппозицией власть активно

прибегала к доносам, использованию проработочных кампаний на партсобраниях, практиковались переводы студентов в другие места обучения, исключения.

С укреплением в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ) и Коммунистическом университете трудящихся Китая (КУТК) позиций сторонников сталинизма доноительство, возведенное в ранг партийной политики, стало в этих университетах особенно распространенным явлением [2. С. 248]. КУТК был создан по решению Политбюро ЦК ВКП(б) от 21 августа 1925 г. Открылся в ноябре 1925 г. Организован с целью подготовки кадров из числа членов компартии и комсомола Китая и китайских политэмигрантов, находившихся в СССР, для последующей работы в Китае. Первоначально назывался Университет трудящихся Китая им. Сунь Ятсена (УТК). Студентам фактически было предложено критиковать Троцкого и его сторонников со слов тех, кто был непримиримым противником последних. Чтение оппозиционной литературы не разрешалось [2. С. 251]. В конце 1927 г. после исключения членов оппозиции из ВКП(б) и высылки из Москвы самых видных оппозиционеров (Троцкого, Зиновьева, Каменева и др.), наступил период ужесточения мер к китайским студентам-оппозиционерам. Китайских активистов власти подвергали аресту, ОГПУ к ним применяло меры внесудебной расправы, отправляло в исправительно-трудовые лагеря и ссылку.

Находясь в СССР в этих условиях, горькое испытание на прочность прошел и китайский студент Чжан Ючжан, оставивший историческому прошлому свою звучную русскую фамилию Сойкин.

Родившийся в Китае в 1909 г. Чжан Ючжан, к зрелому возрасту познавший историю страны, всегда гордился своей малой родиной – провинцией Хунань, которая дала жизнь не только ему, но и руководителю компартии Китая Мао Цзедуну – герою «великого похода» и китайской революции. С деятельностью Мао Цзедуну связаны все его юношеские годы. Являясь выходцем из крестьян, выросший в условиях борьбы полукOLONиального Китая за свою независимость и свободу, Чжан Ючжан с раннего детства увлеченно знакомился с революционной периодикой Китая. Его особенно увлекал журнал «Новая молодежь» («Синь циннянь»), издаваемый под редакцией Чэнь Дусю. Чэнь Дусю (1879 – 24.5.1942) – видный деятель Коммунистической партии Китая (КПК). С 1915 г. – редактор журнала «Синь циннянь», позднее декан и профессор факультета литературы и искусств Пекинского университета. Один из участников антиимпериалистического патриотического движения «4 мая» 1919 г. В 1920 г.

создал (в Шанхае) первый в Китае коммунистический кружок. На 1-м съезде КПК в 1921 г. был избран секретарём Временного бюро, на 2-м съезде в 1922 г. – генеральным секретарём ЦК КПК. На Чрезвычайном совещании ЦК КПК 7 августа 1927 г. за ошибки, допущенные в период Революции 1925–1927 гг., снят с поста генерального секретаря ЦК КПК. В ноябре 1929 г. Политбюро ЦК КПК исключило его из партии как скатившегося на троцкистские позиции. Умер в 1942 г. Просветительский журнал, ставивший своей основной задачей демократизацию науки, ведущий борьбу с невежеством и суевением, выступавший с пропагандой марксистских взглядов, всегда привлекал внимание людей, и Чжан с его страниц с жадностью познавал все новое и передовое. Именно через этот журнал к журналистской работе в 1917 г. приобщался и юный Мао.

В период обучения в г. Чанша – столице провинции Хунань, в первом педагогическом училище, в 1918 г. давшему знания молодому Мао Цзедуну, у Чжана были свои любимые учителя, среди которых он особенно выделял Ли Вэйхана, Сю Тэли (позднее – член ЦК КПК) и Тянь Хан (автор гимна КНР). Став активным участником революционного движения в Китае, в 1925 г. Чжан Ючжан, уже будучи курсантом Ванпуской революционной военной школы, по рекомендации Оу Ян и Лю Юйсуня был принят в члены Китайской коммунистической партии. В 1927 г. в составе учебного полка принял участие в восстании в г. Куанчжу, в котором впервые в стране был поднят красный флаг и объявлено образование Китайской советской республики. В этот период Мао Цзедун являлся особым уполномоченным ЦК в революционной провинции Хунань. В истории КПК это восстание известно под названием «осенний урожай», которое было жестоко подавлено. В результате поражения хунаньской авантюры Мао с небольшой группой крестьян и беглых гоминьдановских солдат осенью 1927 г. был вынужден укрываться от преследования гоминьдановских войск в горах Цзинган (Цзинганшань) на границе провинций Хунань и Цзянси.

Ситуацию спас Чжу Дэ, имевший в подчинении хорошо вооруженный 10-тысячный отряд, который в начале 1928 г. соединился с отрядом Мао численностью всего в тысячу человек. На основе двух этих отрядов весной 1928 г. был создан 4-й корпус Рабочекрестьянской Красной армии [3. С. 33]. Чжан Ючжан был назначен комиссаром, а потом стал и командиром отряда особого назначения при штабе 4-го корпуса китайской Красной армии, в течение нескольких месяцев в исключительно тяжелых условиях героически сражался с гоминьдановскими войсками. В дальнейшем отряд присоединился к отряду генерала Хо Луна в районе Хайлуфана, в котором был создан Совет депутатов рабочих, крестьян и солдат под руководством Пэн Бая – члена Политбюро ЦК компартии Китая. Пэн Бай (22.10.1896, уезд Хайфын, провинция Гуандун – 30.8.1930, Шанхай) – деятель Коммунистической партии Китая. В 1925 г. работал секретарем комитета КПК уездов Хайфын и Луфын. С 1927 г. – член ЦК КПК. Участвовал в Наньчанском восстании 1927 г. Осенью 1927 г. под руководством Пэн Бая был создан первый в Китае Хайлуфынский советский район. В декабре 1927 г. – народный комиссар земледелия Гуанчжоу-

ской коммуны. С 1928 г. – на партийной работе в Шанхае, член Политбюро ЦК КПК. 24 августа 1929 г. арестован гоминьдановцами и убит в тюрьме.

Вскоре Мао избрали секретарем вновь созданного Особого комитета КПК пограничного района Хунань – Цзянси. После поражения революции 1925–1927 гг. руководство КПК считало необходимым перейти к активному созданию военных соединений, накапливать вооружение и вооруженные силы с тем, чтобы в случае улучшения обстановки перейти к военным действиям против гоминьдановских войск. В этой работе активную позицию занимал и молодой командир Чжан Ючжан. В апреле 1928 г., несмотря на полученное ранение в боях за овладение городом Хуйлай, он был направлен уполномоченным ЦК партии Пэн Баем в Гонконг, в кантонский губком партии с отчетом о положении дел в районе восстания. Лишь после того как был сделан доклад членам ЦК Вин Дайину и секретарю губкома товарищу Ли, его направили на лечение в г. Шанхай. В конце декабря 1928 г. по решению ЦК партии Чжан Ючжан вместе с Е Цзен Ином (позднее маршал КНР) был направлен в Москву на учебу. Никто не знал, да и сам Чжан Ючжан не представлял, что эта поездка для него продлится на десятилетия и станет не только познавательной.

По указанию ЦК компартии Китая для поездки и учебы, в целях конспирации, Чжан Ючжану было присвоено имя Ей Фейчжун, а Е Цзен Ину дали фамилию Ян Юйцан. В Москве обоих зачислили в Коммунистический университет трудящихся Китая при ЦК ВКП(б). Для удобства в общении всех студентов наделили русскими установочными данными с нумерацией. Чжан Ючжан стал Сойкиным Павлом Ильичем. Прибыв в Москву, 20-летний Сойкин досконально не владел основами теории марксизма-ленинизма, а из известных советских деятелей знал только Ленина, Сталина и Калинина. Русским языком не владел совершенно. В процессе учебы у него сложились дружеские отношения со студентами старших курсов Яроцким и Шишковым (ранее работал наборщиком нелегальной типографии ЦК компартии Китая). Они, как потом говорили в университете, приняли взгляды троцкистов и вскоре были арестованы. Не сложилась судьба и у китайского студента по фамилии Лопатов. Как стало известно Сойкину, через 4 года он был зачислен на службу в органы ОГПУ, работал в Хабаровске, а затем якобы был расстрелян [4. Л. 134].

Общение с Яроцким, Шишковым и Лопатовым сыграло злую шутку и в судьбе Сойкина. Однажды кто-то из старших студентов положил на кровать Сойкина блокнот с завещанием Ленина. Ознакомившись с содержанием запрещенных к публикации материалов, Сойкин не нашел в них ничего предосудительного и стал искать владельца блокнота. Не найдя хозяйку записей, он бросил блокнот на общий стол. Оказалось, что содержание блокнота хотя и раскрывало завещание Ленина, но, по оценке компетентных органов, было «троцкистским документом» [4. Л. 135]. Об этом Сойкин узнал, когда в апреле 1930 г. его арестовали. Коллегия ОГПУ вынесла постановление, согласно которому его по ст. 58-10 УК РСФСР приговорили к пяти годам ИТЛ. В московской тюрьме

Сойкин встретил своих старых товарищей-студентов, уже отбывавших наказание, которые ему рассказали, что в университете чекисты разгромили подпольную организацию китайских троцкистов, ведущих борьбу против Сталина.

Исправительно-трудовой лагерь с пугающим названием «Усвирлаг», что располагался в поселке Ледяное поле в Ленинградской области, принял нового заключенного. Наряду с изнурительной работой Сойкин не терял времени, начал усиленно и с успехом изучать русский язык. Вскоре его усердие было вознаграждено, в 1931 г. он был назначен заведующим центральной библиотекой. Книги известных русских и советских писателей, большое количество словарей, марксистско-ленинская литература способствовали не только изучению языка, но и позволили проникнуть в глубины российской истории, познать быт и обычаи русского народа, овладеть трудами марксистских классиков. Несмотря на тяготы лагерной жизни, Сойкин всегда находил время для обучения. Вскоре он уже хорошо знал историю создания и деятельности Всесоюзной коммунистической партии большевиков, разбирался в принципах творческого марксизма, ленинского подхода в решении вопросов революционного преобразования общества и государственной политики. Удалось вникнуть и в контрреволюционную сущность троцкистского и бухаринского извращения революционной теории и практики.

В этот период на территории СССР в системе трудовых резервов Урала, Сибири и Дальнего Востока на строительстве промышленных объектов работало немало китайских граждан. Вопросы обеспечения государственной безопасности требовали внимания к этой категории иностранных рабочих, что, в свою очередь, для чекистов диктовало необходимость привлечения специалистов со знанием китайского языка. Кандидатура Сойкина в данном случае была подходящей. Овладение им русским языком, его начитанность и политическая образованность, проникновенность мыслей о построении советского общества, непримиримая позиция к врагам партии свидетельствовали о достаточной надежности. Сойкин не противился предложению сотрудников ОГПУ, в начале 1934 г., на год раньше определенного срока наказания, он был освобожден из лагеря и направлен в качестве переводчика в Западную Сибирь для работы с интернированными китайскими солдатами и перебежчиками.

В 1934 г. по направлению ПП ОГПУ Запсибкрая в Прокопьевск прибыли бывшие студенты КУТКа Павел Ильич Сойкин и Василий Васильевич Кооператоров (он же Сюн Юнкунь), а также десятник Анжерского рудоуправления обрусевший китаец Ю. Гансин, которых назначили на должности переводчиков в шахтоуправление шахты им. Сталина. В 1930 г. Кооператоров, также как и Сойкин, подвергался аресту за троцкистскую деятельность в университете и Коллегией ОГПУ был осужден к трем годам ссылки, которую отбывал в г. Иваново. В процессе работы между Сойкиным, Кооператоровым и Ю. Гансином сложилось полное взаимопонимание. Благодаря своей настойчивости, Сойкину удалось превратить рабочий полк интернированных из прошлых отказников от

работы в коллектив высокой производительности труда. Наступивший 1937 г., казалось, не предвещал изменений в ритмичной жизни Сойкина. Памятуя о проявлении высокой политической бдительности, в одной из бесед с сотрудниками Прокопьевского горотдела НКВД он информировал о Кооператорове как о выходе из богатой китайской семьи и поддерживающего связь с одним из американских подданных. Последовавший арест Кооператорова Сойкину был понятен. В процессе следствия он дал дополнительную характеристику Кооператорову, в которой официально изложил имеющиеся о нем сведения.

Неожиданно в мае 1937 г. подвергся аресту и сам Сойкин. В предъявленном обвинении ему инкриминируется создание в Прокопьевске троцкистской группы в составе Кооператорова и переводчика Ю. Гансина, установление связей с китайскими троцкистами в г. Иваново. Как оказалось, источником для оговора и ареста Сойкина теперь стал Кооператоров. Как завершающий этап по изъятию «контрреволюционных элементов», 1 сентября 1937 г. сотрудники Прокопьевского горотдела НКВД арестовали и переводчика Прокопьевского рудоуправления Ю. Гансина. Ни в чем не повинные люди требовали справедливости, уповали на трезвость подхода следователей к их участи, надеялись на прокурорский надзор. Доводы Сойкина о своей честности и непричастности, просьбы о проверке фактов не имели действия. Его просто не слушали. Однажды в ответ на настойчивые требования следователь Белкин прямо ему ответил: «Никаких фактов мы проверять не станем, факты мы сами создаем» [4. Л. 139].

В ходе следствия Управление НКВД по Новосибирской области, предвосхищая развитие событий, 13 ноября 1937 г. получили согласие И. Сталина и К. Ворошилова об отнесении уголовных дел по обвинению Кооператорова и Сойкина к ведению коллегией Верховного суда СССР по первой категории, предусматривающей меры социальной защиты вплоть до применения высшей меры наказания – расстрела [5. Л. 160–161]. Но до завершения следствия было еще далеко, оно длилось более года. Кооператоров и Ю. Гансин оказались «посговорчивей» и сразу пошли на сотрудничество со следствием, оговаривали себя и давали ложные показания в отношении Сойкина. Последнему же пришлось испытать на себе и методы психологического воздействия, и физических пыток. Но на всех допросах и очных ставках Сойкин всячески отрицал свою вину и не подписал ни одного протокола.

В июне 1938 г., когда следователь Белкин попросил подписать документ об окончании следствия, Сойкин потребовал провести разбирательство с участием прокурора, на что получил ироничный ответ: «Не прокурор у нас дела решает, а мы – органы НКВД. Любого прокурора мы можем взять под стражу, если он будет вмешиваться в наши дела» [4. Л. 140]. Состоявшееся 7 июня 1938 г. закрытое заседание выездной сессии военной коллегии Верховного суда СССР длилось 15 минут. На судебном заседании присутствовали только сотрудники НКВД. По требованию Сойкина приглашенный в зал Кооператоров начал отказываться от

ранее данных показаний, но тут же был удален судьей. Сойкин и Кооператоров по ст. 17-58-8 и 58-11 УК РСФСР были приговорены к 10 годам тюремного заключения с поражением в правах на пять лет и конфискацией имущества. Находясь в местах лишения свободы, в сентябре 1938 г. Кооператоров умер. Приговором военной коллегии Верховного суда СССР Ю. Гансин осужден к восьми годам лишения свободы, его дальнейшая судьба неизвестна. В 1939 г. Сойкин этапом

прибыл на Колыму в поселок Нагаево. В мае 1947 г., будучи освобожденным из мест заключения, вновь испытывать судьбу он не стал и остался на жительстве в поселке, с апреля 1949 г. являлся заведующим Нагаевской баней и прачечной Магаданского горкомхоза. Справка о реабилитации была ему вручена 22 июня 1957 г. После реабилитации Сойкин выехал в Китай, в 1958 г. его следы обнаружались в Пекине и вновь затерялись.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Акатова Г.Н.* Рабочее движение в гоминьдановском Китае. 1927–1937 гг. М., 1983.
2. *Панцов А.В.* Тайная история советско-китайских отношений: Большевики и китайская революция (1919–1927 гг.). М.: Муравей-Гайд, 2001.
3. *Бурлацкий Ф.М.* Мао Цзэдун «Наш коронный номер – это война, диктатура». М.: Междунар. отношения, 1976.
4. *Архив УФСБ по Кемеровской области.* Д. 3329.
5. АП РФ. Оп. 24, Д. 412. Режим доступа: <http://stalin.memo.ru/names/p438.htm>

Статья представлена научной редакцией «История» 11 ноября 2009 г.